

3. 《中华人民共和国宪法 (1982 年 12 月 4 日第五届全国人民代表大会第五次会议通过, 1988 年、1993 年、1999 年、2004 年四次修订版本)》/ 外文出版社 北京 2004 年第五版 第 91–92 页, 第 94 页 (Конституция Китайской Народной Республики. Пекин, 2004. № 5. С. 91–92, 94).

4. 中华人民共和国国务院新闻办公室《2013 年中国人权事业白皮书》// 外文出版社 2014 年第一版 第 41–45 页 (Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Достижения Китая в сфере защиты прав человека в 2013 году. Пекин, 2014. № 1. С. 41–45).

5. 白润生《中国少数民族新闻传播史》/ 民族出版社 北京 2008 年第一版 第 1–6 页 (*Бай Жуньшэн. История информационной коммуникации китайских национальных меньшинств. Пекин, 2008. № 1. С. 1–6).*

УДК 821.161.1Пушкин-14+94(510)

Чжан Цихуэй

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

Zhang Qihui

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

Образ Китая в поэзии А. С. Пушкина

The image of China in the poetry of A. S. Pushkin

Статья посвящена исследованию образа Китая в поэзии А. С. Пушкина. Дан анализ ряда поэтических произведений. Автор указывает на интерес поэта к восточной и, в частности, китайской философии, истории и культуре, а также пытается выяснить, что повлияло на формирование его представлений о Китае.

Ключевые слова: Китай, А. С. Пушкин, поэзия, эпитет, образ страны.

The article is devoted to the study of the image of China in the poetry of A. S. Pushkin. The analysis of some poetic works. The author points to the interest of the poet to the East and, in particular, Chinese philosophy, history and culture, while also trying to figure out what influenced the formation of his ideas about China.

Keywords: China, Pushkin, poetry, an epithet, an image of country.

Исследуя избранную проблему, мы обратились к четырем стихотворениям А. С. Пушкина, в которых фигурируют образы, навеянные китайской культурой. Это стихотворения «Клеветникам России», «К Наталье», «Осень» и «Поедем, я готов...».

Мы прокомментируем отрывок из стихотворения «Осень». «Осень» — это неоконченное стихотворение, написанное Александром Пушкиным в 1833 г. Описывая в нём процесс творчества, Пушкин воображает встречу с самыми разными персонажами своей памяти и фантазии:

И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей [1, т. 3, с. 262].

В первоначальном варианте стихотворения далее следовала строфа, позднее исключенная из окончательного текста:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы,
Испанцы в епанчах, жида, богатыри,
Царевны пленные и злые великаны.
И вы, любимицы златой моей зари, —
Вы, барышни мои, с открытыми плечами,
С висками гладкими и томными очами [Там же, с. 469].

Среди «давних знакомцев» Пушкин здесь называет «богдыханов». Так в русских грамотах XVII–XVIII вв. называли китайских императоров. Почему Пушкин именует императоров Китая своими старыми знакомыми? Постараемся выдвинуть некоторые соображения.

При жизни Пушкину так и не удалось пересечь российскую границу и побывать в Китае, но поэт был хорошо знаком с китайской культурой. В основе этого знакомства лежит несколько факторов.

В русской и европейской культуре пушкинского времени существовала мода на всё китайское. Русский интерес к Китаю возник еще в XVIII в. Хотя в то время торговое сотрудничество и миссионерская деятельность были главными формами отношений между странами, воздействие Востока наложило на духовную жизнь Европы глубокий отпечаток. М. П. Алексеев пишет, что «под самым глубоким влиянием Китая находилась Франция. Когда Пушкин еще был мальчиком,

из домашнего обучения он вынес лишь прекрасное знание французского языка и в отцовской библиотеке пристрастился к чтению на французском. То есть уже в детстве он начал впитывать в себя все наиболее значительное из того, что создала французская поэзия этой поры. Так как крепкие и многочисленные нити связывают творчество Пушкина с французской литературой и искусством, не может быть сомнений, что он не прошёл мимо французского Китая. В России, как и в Европе, объём и размах русского увлечения Китаем был тогда тоже весьма значителен. Собирали фарфор, фаянсовую посуду и лаковые безделушки и т. д. Кроме этого, в то время Радищев в Сибири сочинял «Письмо о торге китайском». Эти факты оставили след в сердце молодого Пушкина» [2, с. 114].

Интерес к Китаю усилится у Пушкина в эпоху его лицейской жизни. В лицее поэт «Китай» уже увидел. Мы имеем в виду комплекс «китайских» сооружений Царского Села. Он включал в себя Китайский театр, Крестовый мост, павильон «Большой каприз», «скрипучую беседку», два железных моста через канал и «китайскую деревню», которая была главным звеном «китайского» ансамбля. Всё это произвело на Пушкина сильное впечатление. В поэме «Руслан и Людмила», описывая сад волшебника, Пушкин пишет:

С прохладой вьётся ветер майский,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей [1, т. 4, с. 38].

И другие стихи Пушкина убеждают в том, что следы «китайщины» остались у него в памяти от лицейского времени. Может быть, в царскосельском парке и явилась муза Пушкину-юноше.

Как пишет М. П. Алексеев, «ссылка на Юг привела Пушкина к непосредственному столкновению с Ближним Востоком: Кавказ, Крым, потом Кишинев и Одесса дали резкий толчок возникновению его поэтического увлечения восточным миром» [2, с. 121]. Интерес к Китаю у Пушкина возрастал с годами, а русская литература стала его духовной пищей и оказывала ему содействие. В 1824 г. вышло трёхтомное «Путешествие в Монголию и Китай» Егора Тимковского, приветливо встреченное печатью. Это издание Пушкин мог видеть еще в Одессе.

Пушкин знакомился с Китаем не только по книгам. Большую роль в этом сыграл знаменитый отец Иакинф (в миру — Никита Яковлевич Бичурин) — востоковед и путешественник, знаток китайского языка, проживший в Китае 14 лет.

Возникновение дружеских отношений Бичурина с Пушкиным, согласно литературным источникам, совпадает со временем выхода Иакинфа из Валаамского монастыря. В. Н. Кривцов пишет, что в 1829 г. Иакинф подарил поэту книгу «Сань-Цзы-Цзи» с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика». С книгами Иакинфа Пушкин не только был хорошо знаком, но и прибегал к ним во время работы над своими сочинениями на исторические темы («История Пугачева»). Сохранилась следующая запись Пушкина: «Самым достоверным в беспристрастном известии о набеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках» [3, с. 608].

Следующий фактор знакомства Пушкина с Китаем — это «китайская драма» Вольтера. Вольтер — один из кумиров юности Пушкина. Пушкин полюбил произведения Вольтера еще до поступления в лицей. Изучение отрывков из Вольтера входило в лицейскую программу по французской риторике. Вольтер, можно сказать, первый поэтический наставник Пушкина.

Как пишет М. П. Алексеев, «Вольтер в ряде своих сочинений восторгается красотами китайской морали и прославляет китайский институт мандарината, столь подходивший к его теориям просвещенного абсолютизма. И характерно, что китайский сюжет нередко служит ему для целей острой философской полемики. Драма Вольтера “Китайский сирота” была направлена против главного тезиса Руссо о том, что искусство и наука развращают нравы: Вольтер заставляет в ней одержать победу китайскую цивилизацию над воинственной дикостью Чингис-хана. По словам Вольтера, его “Китайский сирота” — это “мораль Конфуция, развернутая в 5 актах”. Наиболее полно Вольтер высказался о Китае в “Опыте о нравах”, в “Философском словаре”, в “Бумагах Жана Неслье”, наконец, в статье “Об изгнании иезуитов”; всюду здесь сквозит самый восторженный панегирический тон» [2, с. 112].

Всё сказанное выше позволяет понять, почему богдыханы названы у Пушкина «давними знакомцами». Кроме того, Пушкин называет китайских «гостей» «плоды мечты моей». Это определение тоже нуждается в пояснении. Почему богдыханы — предмет пушкинских мечтаний? Дело в том, что Пушкин мечтал побывать в Китае, но его мечте не суждено было сбыться.

О том, как хотелось Пушкину увидеть Китай, пишет М. П. Алексеев: «Он уже представлял себя в своих поэтических грезах там... у “стен недвижимого Китая”». 7 января 1830 г. Пушкин писал Бенкендорфу: «Так как я еще не женат и не нахожусь на государственной службе, я бы хотел совершить путешествие либо во Францию, либо в Италию. Если это не будет мне разрешено, я просил бы о позволении посетить Китай с посольством, которое туда отправляется». Бенкендорф отвечает поэту: «Желание ваше сопровождать наше посольство в Китай также не может быть осуществлено, потому что все входящие в него лица уже назначены и не могут быть заменены другими без уведомления о том пекинского двора» [2, с. 135].

Пушкин хотел поехать не по капризной прихоти воображения и не затем, чтобы только увидеть фарфоровые безделушки и Великую китайскую стену. Он хотел понять уникальность восточной культуры, увидеть настоящий Китай своими глазами. Если бы поэт побывал в Китае, это бы обязательно сказалось на его творчестве. Однако мечты Пушкина не осуществились.

Через сто лет Китай ответил Пушкину пробудившимся интересом к его творчеству. Китай открывал для себя Пушкина, открывал Россию, русскую душу, русскую культуру. Поэт оказал влияние на китайскую культуру и сам стал одним из самых популярных и известных поэтов в Китае. И хотя Китай был для Пушкина неосуществленной мечтой, сам Пушкин стал для Китая старинным другом.

1. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. М., 1963.

2. *Алексеев М. П.* Пушкин и Китай // Пушкин и Сибирь. Иркутск, 1937. С. 108–145.

3. *Кривцов В. Н.* Отец Иакинф. Ленинград, 1984. 653 с.